

УДК 94(470.1)"19"+314.148(045)

***КОРОТАЕВ Владимир Иванович**, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института социально-гуманитарных и политических наук Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Автор 44 научных публикаций, в т. ч. 4 монографий*

ПРОБЛЕМЫ КОЛОНИЗАЦИИ И СПЕЦКОЛОНИЗАЦИИ РУССКОГО СЕВЕРА / СЕВЕРНОГО КРАЯ И ОПЫТ ИХ РЕШЕНИЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX века

В статье проблемы добровольной и принудительной колонизации рассматриваются в условиях догоняющей модернизации. Особенность статьи заключается в том, что эти проблемы представлены во взаимосвязи и их влиянии на коренное население.

Ключевые слова: догоняющая модернизация, колонизация, спецколонизация, спецпереселенцы, заключенные, колонизационные поселки, демографический кризис, депопуляция.

Историографии указанных в названии статьи проблем, рассматриваемых в их единстве, нет, есть лишь специализированная по отдельным аспектам и проблемам научная литература. В отсутствие литературы общего характера по данной проблематике принципиальное значение для нас имеют идеи известного демографа А.Г. Вишневого и историка, академика Ю.А. Полякова об отсутствии у российского, а затем и советского правительств (до середины 1960-х годов) специальной демографической политики. Вместо нее осуществлялась опосредованная экономическими и геополитическими задачами политика воздействия государства на демографические процессы, в т. ч. на переселение людей в удобном для властей направлении. Этим объясняется проблематичность и сложность оценки результатов колонизации и спецколонизации.

Предмет нашего исследования – колонизация и спецколонизация данного региона в контексте концепции догоняющей модернизации. Под Русским Севером понимаются соседствующие территории Архангельской и Вологодской губернии (до 1922 года). Во второй половине XIX года в состав Архангельской губернии входил и интересующий нас Мурман, бывший частью Кольского уезда. В 1929 году был создан Северный край, в который входили бывшие Архангельская, Северо-Двинская (с 1922 года) и Вологодская губернии и Коми АО. Поэтому применительно к 1930-м годам мы будем использовать такие названия региона, как Северный край и бывший Северный край (с 1937 года).

Колонизация в привычном смысле слова и спецколонизация, осуществляемая усилиями спецпереселенцев и заключенных, и их влия-

ние на коренное население изучались обособленно, а не в едином контексте. Между тем эти исторические феномены в 1930-х годах оказались взаимосвязаны, поэтому их предпочтительнее изучать как единый процесс, а не порознь. Опыт решения этих проблем может оказаться полезным уже в начале XXI века, когда резко возрос интерес к Арктике и прилегающим территориям, а значит, и к предотвращению ставшего уже привычным сегодня оттока населения отсюда, разумеется, с учетом неизбежных изменений, происшедших в этом регионе за десятилетия.

Историко-демографический подход применительно к указанным проблемам представлен автором в монографии «На пороге демографической катастрофы: принудительная колонизация и демографический кризис в Северном крае в 30-е годы XX века» (Архангельск, 2004). Поэтому в данной статье уделяется внимание не столько описанию этих феноменов, сколько осмыслению опыта их решения и выводам.

Плотность населения на побережьях Северного Ледовитого океана к середине XIX века была чрезвычайно низкой. Населенные пункты с постоянным населением отстояли друг на десятки и сотни километров, и их было мало. Чаще побережья океана заселялись сезонно, т. е. на время рыбо-звериного промысла. Почти полгода русские поморы жили в деревнях с семьями, и столько же находились в промысловых землянках, занимаясь традиционным ловом морской рыбы или боем морского зверя.

Между тем в прибрежных водах Северного Ледовитого океана тем же занимались иностранцы и более успешно, т. к. в технико-технологическом отношении значительно превосходили поморов-сезонников. Конкурировать с ними русские поморы не могли.

Слабозаселенные приарктические побережья в геополитическом смысле были уязвимы, т. к. не обеспечивали должную безопасность границ. Впрочем, освоение побережий было в финансовом отношении весьма затратным как для местных, так и центральных властей.

Но границы было необходимо надежно оберегать, а для этого требовалось их заселить, создать гарантированные рабочие места и вселить в души поселенцев уверенность в том, что все это будет сделано «всерьез и надолго». Реализация подобных планов, предполагала не только вложение колоссальных средств, но и детальную разработку проектов задуманного.

Надежда на быстрое и эффективное заселение и обживание побережий океана самими русскими поморами, освоение ими новейших для того времени технологий для ведения рыбо-звериных промыслов и сельского хозяйства была обманчивой, т. к. они вели свое хозяйство, как правило, традиционно, как их отцы и деды. Значит, их и их детей следовало либо научить имеющимся у западных соседей передовым технологиям, без ущерба собственному мировоззрению, либо побудить их к этому ненавязчиво, посредством диалога, т. е. усваивая лучшее у тех, кто этими технологиями владеет и может поделиться. Во втором случае диалог может и не состояться. Поморы либо научатся у соседей работать по-новому, либо, не выдержав конкуренции, разоряясь, займутся другим традиционным промыслом или найдут работу на промышленном предприятии.

В основе размышлений автора лежит концепция догоняющей модернизации, в данном случае применительно к экономике региона. Ее прикладной характер заключается в том, что центральные и местные власти поощряли, а в некоторых случаях насаждали, первоочередное развитие лесопиления и деревообработки, что впоследствии могло привести к созданию лесопромышленного комплекса (ЛПК) и обслуживающих его отраслей хозяйства, преимущественно водного транспорта. Но вектор развития региональной экономики в данном направлении проявился лишь в конце XIX – начале XX века.

В середине XIX века власти г. Архангельска и Санкт-Петербурга решили осуществить колонизацию Западного Мурмана (Мурман – это арктическое побережье п-ва Кольского от р. Ворьемы, в его западной части, до мыса

Святой Нос, в его восточной части, устье р. Колы делит Мурман на две указанные части) иностранцами в надежде, что несомненную пользу от нее могут получать русские поморы. Тем более что сама идея помощи норвежцами русским поморам-колонистам в модернизации их хозяйств была заявлена первыми через их посредников и поддержана руководством Архангельской губернии. Архангельские и петербургские власти наивно и недальновидно поверили обещаниям норвежцев и санкционировали колонизацию Западного Мурмана.

Колонизация началась в 1862–1863 годах. Но, во-первых, не был надлежащим образом продуман и подготовлен сам процесс колонизации, поэтому в 1866 году пришлось создать специальную комиссию для его изучения. Впрочем, комиссия, как явствует из «Хозяйственно-Статистического и Этнографического очерка Норвежских колонистов и лопарей», подготовленного Комповским, становым приставом 3-го стана Кемского стана, не заметила тех тенденций, которые будут выявлены позже. Комповский же весьма благожелательно оценил образ жизни и труд иностранных колонистов: «Своим трудолюбием, предприимчивостью и знанием дела успеют хорошо устроить свой быт, к общим для всех выгодам, чем положится прочное основание колонизации нашего севера оседлыми жителями»¹. Во-вторых, значительная часть норвежцев, поселившихся в западной части Мурмана, в основном на п-ве Рыбачий, в 1873 году вернулась на родину. Соответственно, в составе иностранцев стали преобладать финны. Затем появились шведы и фильманы (норвежские лопари). В-третьих, они жили обособленно, не намеревались принимать российское подданство и учить русский язык. В-четвертых, они преследовали сугубо коммерческие цели и не учили, как обещали, русских поморов современным способам ведения хозяйства. В результате уже с конца XIX века архангельская администрация под разными предлогами стала препятствовать иностранцам заселять Мурман, а в начале XX века с санкции имперской канцелярии получили право вытеснять уже осевших здесь иностранцев и поощрять колонизацию Мурмана русским населением.

Единственное место на Мурмане, где русские поморы и оседлые карелы «выиграли» от соседства с иностранными колонистами, находилось на Западном Мурмане, у Трифоно-Печенгского монастыря, около которого возникло 5 колоний. Они располагались в максимальной близости от границ с Финляндией и Норвегией (ставшей самостоятельным государством в 1905 году). Здешним колонистам было выгоднее торговать с соседними государствами, чем с Архангельском, и перенимать новые технологии, в частности промысловые суда, в Норвегии. Здешные колонии экономически были значительно эффективнее, чем русские колонии на Восточном Мурмане и даже некоторые иностранные колонии на Западном Мурмане.

Таким образом, упование на благотворительную роль иностранной колонизации оправдалось в незначительной степени, а с геополитической точки зрения это мероприятие надо признать неудачным. Судьба же тех норвежцев, финнов и шведов, которые и при советской власти оставались на Мурмане, а в 1930-х годах организовали колхозы, оказалась незавидной. По информации В.Я. Шашкова, их накануне Великой Отечественной войны выселили в Заонежье².

И сельскохозяйственная колонизация, проводившаяся накануне Первой мировой войны в условиях аграрной реформы П.А. Столыпина, оказалась малоэффективной по своим результатам, особенно в Архангельской губернии.

В специально подготовленные колонизационно-переселенческие участки в Шенкурском уезде, считавшемся «житницей» Архангельской губернии, прибыло значительно меньше переселенцев, чем ожидалось. Причем хуторов, на которые рассчитывал Столыпин, создавалось существенно меньше, чем отрубов. В 1913 году их здесь числилось 98, а в 1914 было создано 4 хутора и 157 отрубов³. Переселенцы охотнее селились в Опарино-Моломском переселенческом районе Никольского уезда Вологодской губернии, преимущественно это были переселенцы из Прибалтики и западных губерний России (до 70% от всех переселенцев). Вологодский губернатор надеялся на замещение здешними крестьянами культуры

огородничества эстонцев и навыков пчеловодства латышей и был удивлен «недоброжелательству» к прибалтийским поселенцам со стороны крестьян⁴.

Переселенцы из Прибалтики воспринимались вологодскими крестьянами как иностранцы: чужой язык, лютеране, иной образ жизни, иное отношение к труду. К ним относились почти так же, как к иностранцам на Мурмане. Тем более что латыши, эстонцы и литовцы предпочитали жить на хуторах. Вологодские крестьяне, ведшие экстенсивное сельское хозяйство, страдавшее от малоземелья, относились к ним как к чужакам, захватившим их землю. В результате – неизбежные конфликты между переселенцами и коренным населением, как и на Мурмане. В годы Гражданской войны, когда прибалтийские государства получили независимость от РСФСР, часть прибалтов вернулась на свою родину. Кстати, накануне столыпинской реформы (1908–1909) Вологодскую губернию покинули 7494 крестьянина, а вернулись домой 947. Для сравнения, в 1910 году в Вологодскую губернию переселились 7015 человек из западных губерний России⁵. Если бы аграрная политика оказалась дальновидной и последовательной, и было введено всеобщее начальное образование, то, возможно, и сельскохозяйственной колонизации на Русском Севере не понадобилось бы.

Русские же крестьяне, заселяя переселенческие участки, не выходили из общины, а вели отрубные хозяйства, надеясь на помощь общины в трудные времена. Северные крестьяне, не доверяя аграрной политике власти, больше надеялись на «вольную» (стихийную) колонизацию бегство крестьян как от малоземелья и «от власти», причем и при царском, и при советском (в 1920-е годы) правительствах.

Северяне заселяли даже мало- или непригодные для ведения земледелия территории. Так, к концу XIX века они заселили юго-западное и юго-восточное побережья п-ва Канин. На р. Уса, притоке Печоры, перепись 1897 года «открыла» 37 поселков. В результате были образованы, соответственно, Неская и Балбанская волости. Процесс стихийной колонизации продолжался

и при советской власти. На 1 мая 1924 года количество поселков в Балбанской волости увеличилось до 64⁶. Этот процесс продолжался и во второй половине 1920-х годов. Учитывая это, руководство партии и правительства решило преодолеть стихийную, неуправляемую колонизацию и прибегнуть к принудительной колонизации, т. е. к спецколонизации, разумеется, сочетая ее с добровольной, основанной на энтузиазме, колонизации. Причем, как правило, в малолюдных, богатых природными ресурсами, северных и северо-восточных окраинах страны, совмещая колонизацию с укреплением границ. Этому процессу содействовало освоение Северного морского пути в условиях аномального потепления климата в Арктике.

В 1929 году был образован Северный край как «всесоюзная лесопилка» и «валютный цех страны», как место решения задач Центра (В.Л. Каганский), а 18 августа 1930 года было принято постановление СНК РСФСР «О мероприятиях по проведению спецколонизации в Северном и Сибирском краях и Уральской области». Это постановление обязывало «максимально использовать рабочую силу спецпереселенцев на лесоразработках, на рыбных и иных промыслах в отдаленных, остро нуждающихся в рабочей силе районах»⁷. Но главное – обеспечение лесом «всесоюзной лесопилки». Поэтому неудивительно, что на 1 февраля 1932 года 80 % спецпереселенцев были заняты в лесной промышленности⁸.

Первоначально планировалось использовать рабочую силу спецпереселенцев (в условиях коллективизации сельского хозяйства), а затем и заключенных (в условиях массовых политических процессов). При этом считалось, что спецколонизация даст дешевую рабочую силу, ее направят на север и северо-восток страны, «в районы постоянного поселения», в суровые природно-климатические условия для проживания и работы⁹.

Введение этих, экстремальных по своей сути, «мероприятий» стало возможно в СССР 1930–1950-х годов как государстве мобилизационного типа, сочетавшего добровольную и принудительную колонизацию, энтузиазм масс и принуждение.

Процесс осуществления добровольной и принудительной колонизации не был должным образом продуман как в Москве, так и в краевом центре. Правительственные мероприятия осуществлялись людьми преимущественно с начальным образованием, которым прежде не приходилось решать таких задач. Мало того, больше 70 % прибывших на спецпоселение в Северный край в мае 1930 года были южанами, непривычными ни к здешним природно-климатическим условиям, ни к жизни в бараках, ни к местной пище, ни к работе в лесу. Это обстоятельство создавало дополнительные трудности. Поэтому руководителям, отвечающим за ввоз, обустройство по месту прибытия и организацию работ, приходилось «начинать с нуля», руководствуясь методом проб и ошибок. Значит, винить за беспорядок и неумение все сделать так, как предписано, следует не столько их, сколько тех, кто все это санкционировал и потребовал исполнения в короткий срок. Да еще в условиях экономического кризиса 1930–1933 годов.

Мужчин трудоспособного возраста, прибывших к местам назначения, сразу же отправляли в «районы постоянного поселения». Им же приходилось строить бараки в спецпоселках. Женщины, дети и старики расселялись (или подсалялись) в местах прибытия эшелонов зимой 1930 года в городах, на железнодорожных станциях и окрестных деревнях, как правило, в неподготовленных к их прибытию помещениях, но считавшихся пригодными для временного проживания, чтобы весной отправиться в спецпоселки. Прибыв нередко больными, они, подсаляясь в крестьянские избы, заражали тех, кто их принимал на жительство. Так возникали очаги эпидемий остроинфекционных заболеваний. Аналогичная ситуация возникала на перевалочных станциях по пути следования эшелонов, где поневоле спецпереселенцам приходилось общаться с местным населением. Медиков было мало, требовалось время и медикаменты, чтобы

ликвидировать эпидемии. Эпидемии же быстро распространялись. Как следствие – демографический кризис, депопуляция (смертность превышала рождаемость населения).

В 1930 году число случаев заболевания остроинфекционными болезнями, главным образом скарлатиной и корью, по сравнению с предыдущим годом увеличилось в 2,5 раза. В 1931 году резко возросло, по сравнению с 1930, количество первичных заболеваний брюшным тифом (в 1,8 раза), дизентерией (в 3 раза) и сыпным тифом (в 3 раза). Именно заболевание сыпным тифом вызвало особую озабоченность краевых властей: в октябре 1931 года они объявили о начале эпидемии сыпного тифа. В 1933–1935 годах, в период аномального потепления климата, резко возросло количество первичных заболеваний малярией: в 3,3 раза. Удельный вес заболевших малярией в 1933 году составил 32,7 %, а в 1935 – 62,6 % от всех учтенных острых инфекционных заболеваний (исключая грипп)¹⁰. Учтены были все заболевшие, в т. ч. административновысланные, спецпереселенцы и заключенные, но именно спецпереселенцы являлись основным источником инфекционных заболеваний. Таково было мнение органов НКВД и медиков Северного края. По расчетам В.Н. Земского, наибольшее превышение смертности над рождаемостью в 1933 году наблюдалось в Северном крае (в 9,6 раза). Для сравнения: в Западной (4,8) и Восточной (4,5) Сибири этот показатель был в 2 раза меньше¹¹. Основной причиной назывались условия работы спецпереселенцев, в т. ч. южан, на лесозаготовках.

Не все отправленные на спецпоселение доехали до места назначения. Немало людей бежало, другие не вынесли экстремальных условий этапирования, расселения в спецпоселках и работы на лесозаготовках, поэтому численность спецпереселенцев с 1931 по 1934 год сократилась почти в 4 раза, в период с 1935 по 1940 год она стабилизировалась.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ СПЕЦПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В СЕВЕРНОМ КРАЕ¹²

	1931	1.01.1932	1.01.1933	1.01.1934	1935	1.01.1939	1.01.1940
Кол-во человек	300 922	120 509	112 266	79 537	67 161	67 417	68 821

Депопуляция была преодолена в 1937 году. Бегство из спецпоселков по-прежнему продолжалось. В 1938 году, по материалам обследования НКВД, в Архангельской области состояло на учете 89,7 тыс. трудпоселенцев (так их называли с 1934 года), из них 38,7 тыс. человек «находилось в наличии, а 51 тыс. числилась в бегах». По мнению В.Н. Земского, активных розысков не велось¹.

Если правовой статус спецпереселенцев можно назвать маргинальным: ни свободный, ни заключенный, к тому же во второй половине 1930-х годов их стали постепенно восстанавливать в гражданских правах, но без права покинуть спецпоселок, то статус заключенного был однозначен: гражданами они становились после отбывания срока заключения.

Массовый ввоз заключенных на территорию бывшего Северного края начался с 1937 года. Их численность только в исправительно-трудовых лагерях (ИТЛ) достигла к началу 1941 года более 200 тыс. человек. Причем заключенных направляли преимущественно в те же северные и северо-восточные районы, что и спецпереселенцев, в т. ч. и в Заполярье, что соответствовало принудительному расселению колонистов в соответствии с постановлением о спецколониации от 18 августа 1930 года. Кстати, документы, на основе которых было подготовлено это постановление, предполагали колониацию и посредством использования труда заключенных. И они применялись при проведении геологических и геодезических и иных подобных подготовительных работ уже в первой половине 1930-х годов, а во второй половине 1930-х началось массовое создание ИТЛ, столь же массовый ввоз заключенных и применение их труда в ведущих отраслях экономики, в т. ч. впервые создаваемых (добыча каменного угля, нефти, строительство железных дорог и т.п.).

Есть и другие аргументы, подтверждающие колониацию Севера заключенными. Идея руководителей ОГПУ о создании колониационных поселков при ИТЛ впервые была высказана в 1929–1930-х годах, а в 1932 году был издан приказ ОГПУ об организации колониационных

поселков ИТЛ ОГПУ для «исправившейся части заключенных». В нем образование колониационных поселков считалось одной из «форм колониации различных районов Союза»². И сразу же началось их создание. В частности, руководство Вайгачской экспедиции ОГПУ разработало и опубликовало в журнале «Ударник» «условия досрочного перевода “заключенных ударников” на поселение в колониационных поселках»³ и организовало в устье р. Кары колониационный поселок. Его колонисты занимались рыбным промыслом. В случае нарушения дисциплины в поселке колонист мог вновь стать заключенным. Аналогичный «поселок рыбхоза Ухтпечлага» в 1937 году находился на окраине Нарьян-Мара: в порту, рядом с лесобиржей лесопильного завода № 51.

Следующий аргумент. В 1933–1934 годах руководство карательных органов, мест заключения и спецпоселений прибегло к «разгрузке» домов заключения и тюрем, отправляя заключенных, в зависимости от тяжести их преступлений, либо в спецпоселки, либо в ИТЛ ОГПУ. Посредством этого мероприятия решались, как минимум, две задачи: перевод подневольных на режим самообеспечения и осуществление спецколониации северо-восточных окраин Северного края. Заключенные должны были трудиться на заготовке и сплаве леса⁴.

И третий аргумент. Часть городов бывшего Северного края, возникших в конце 1930-х – 1940-х годах (в Архангельской области – современные Новодвинск и Северодвинск, в Коми АССР – Воркута, Инта, Печора, Ухта) были созданы самими заключенными, и немалая часть из них осталась там жить после отбытия срока заключения, но уже в качестве граждан, разумеется, при сотрудничестве с добровольными колонистами и вольнонаемным персоналом лагерей.

Уже названных аргументов достаточно, чтобы считать колониацию Северного края в 1930-х годах заключенными не мифом, а реальностью, а вторую половину 1930-х годов можно по праву считать вторым этапом спецколониации.

Спецколонизация края происходила очень болезненно как для заключенных, так и для вольнонаемных, и для населения, проживавшего рядом с ИТЛ. Там, где появлялись заключенные в огромных количествах, с неизбежностью возникали очаги брюшного и сыпного тифа, дизентерии, цинги и других остроинфекционных заболеваний, прежде всего это было характерно для тех мест, где возникали проблемы с питанием и питьевой водой.

В этом смысле типичен пример Ягринлага и Строительства № 203. На его основе возник рабочий поселок Судострой, 11 августа 1938 года преобразованный в г. Молотовск (будущий Северодвинск). Сначала поселок, затем город строился у Белого моря, в болотистой местности, поэтому обе проблемы в равной степени беспокоили руководство этого населенного пункта. Летом 1938 года на 23 тыс. его жителей приходилось 8289 заключенных. С созданием Ягринлага и Строительства № 203 количество последних резко возросло: с 27 680 человек на 1 января 1939 года до 50 тыс. к октябрю 1940⁵. В этих экстремальных демографических условиях только за 1937–1938 годы число случаев остроинфекционных заболеваний выросло более чем в 2 раза, их основной причиной являлась малокалорийная и бедная витаминами пища, причем как у заключенных, так и вольнонаемных, и детей. Начальник Строительства № 203 Б.К. Кронов 11 августа 1939 года заявил, что «вопрос питания в Молотовске стоит на исключительно низком уровне», потому что «нет ни овощей, ничего». Из-за этого, по его мнению, «появляются цинготники среди вольнонаемного состава», в т. ч. «у некоторых врачей, которые обслуживают лагерь» и «даже среди детей». Его озабоченность разделял и директор завода № 402 (будущие ПО «Севмашпредприятие» и «Звездочка») К.С. Красильников: «Малыши ФЗУ на 90% болели цингой», а заключенным жилось еще хуже. По мнению секретаря Архангельского обкома ВКП (б) Г.П. Огородникова: «Рабочая сила из заключенных используется на износ»⁶. Такова цена форсированной спецколонизации бывшего Северного края.

Налицо закономерность: резкое снижение уровня жизни населения в условиях форсированных реформ и активных миграций, прежде всего принудительного характера, сопровождается стрессом и остроинфекционными заболеваниями, приобретаемыми, при определенных дополнительных условиях, форму эпидемий.

В Заполярье (Ненецкий национальный округ, или ННО) колонизация и спецколонизация имели свои особенности, прежде всего из-за особой экстремальности природно-климатических условий. Здесь тепла, света, энергии и органического вещества на единицу сопоставимой территории приходится существенно меньше, чем в средней, тем более южной части страны⁷. В условиях вечномерзлых грунтов здесь комфортно лишь людям «полярного метаболического типа»⁸, т. е. кочующим ненцам и коми. Ненцы-кочевники ННО на январь 1932 года составляли почти 90 % от всего ненецкого народа, а коми-кочевники – 75 %⁹.

Колонизация ННО активизировалась с 1933 года, когда руководство Северного края и ННО приняли решение об «освоении восточного побережья СЛО (Северного Ледовитого океана. – В.К.)» административновысланными, ссыльными и колонистами из бывших заключенных. С этого момента началось заселение Индиги, Шойны, Хоседа-Харда, Пеши и других мест ННО. В объяснительной записке «К вопросу колонизации морского побережья СЛО Ненецкого округа» (1933) говорится, что в Шойне уже проживали 700 рыбаков, а в Индиге – свыше 500 человек¹⁰.

В результате колонизации мигрантами ННО численность населения округа резко возросла: по официальным данным, между переписями 1926 и 1939 года она увеличилась с 14,3 до 46,2 тыс. человек¹¹, т. е. в 3,2 раза, преимущественно за счет мигрантов, главным образом русских. Русские предпочитали селиться в г. Нарьян-Маре и рабочих поселках. Неудивительно, что на 1 января 1935 года они преобладали в этническом составе населения Нарьян-Мара (2982 чел., или 60,1%). Для сравнения: ненцев здесь же было 166 чел., или 3,3%¹².

Спецколонизация происходила в самых суровых условиях Заполярья: сначала заключенные появились на о-ве Вайгач, затем – в Амдерме, Воркуте, Хабарово. Здесь в середине 1930-х годов находилось не менее 5 тыс. заключенных, или около 20% к населению ННО. В 1938 году для увеличения добычи воркутинских углей был образован Воркутинский ИТЛ, где на 1 августа того же года уже трудились 15 009 заключенных¹³. Это больше, чем население г. Нарьян-Мара в 1939 году (13,7 тыс. человек). Судьбу Воркутинского угольного бассейна решали в Москве. 25 октября 1940 года пос. Воркута был изъят из ведения ННО и передан Коми АССР.

Появление в ННО добровольных и принудительных мигрантов, особенно в момент ввоза и обустройства, не подготовленных для проживания и работы в здешних условиях, было чревато негативными демографическими последствиями. С их появлением начались эпидемия цинги в Амдерме, Варандее, Виске, Индиге, Шойне, Оксине, Нижнее-Печорском районе, Нарьян-Маре, т. е. там, где резко увеличилось население за счет мигрантов. Борьбе с ней было посвящено несколько заседаний бюро ненецкого окружка партии в 1932–1934 годах. Из-за дефицита огурцов, помидоров, клюквенного экстракта специальным постановлением рекомендовалось выдавать их «исключительно по рецептам врачей». Неудивительно, что в г. Нарьян-Маре тогда же наблюдалась самая высокая, на фоне других городов РСФСР, смертность детей в возрасте до года¹⁴.

Постоянно дефицитными были мясо, рыба, овощи, поэтому их «забрасывали» лишь в те места, где начиналась эпидемия цинги. Пока боролись с ней посредством «усиленного питания» в одном месте, она появлялась в другом. Между тем тундра изобиловала ягодами, здесь же паслись десятки тысяч оленей, в реках, озерах и в океане было много рыбы. Но проводившаяся тогда продовольственная политика сопровождалась хронической нехваткой «противоцинготной» пищи и ягод. Летом 1933 года окружные власти организовали специальные рыболовецкие отряды, «сбор ягод и других местных противоцинготных средств».

И только после принятия этих мер, эпидемия цинги пошла на спад. С эпидемией сыпного тифа боролись дольше, потому что продолжался жилищный кризис, не хватало обычного мыла и бань.

Проблема сохранения здоровья и трудоспособности добровольных мигрантов, тем более руководящих кадров и специалистов, на наш взгляд, решалась полуофициально. В архивных делах встречаются документы, позволяют предположить, что действовало неписанное правило: отработал в Заполярье определенный срок – имеешь право вернуться на родину («на материк»), тем более, если уже подорвал здоровье.

Таким образом, в ННО был более высоким процент добровольных и принудительных мигрантов в составе населения округа, чем в других районах бывшего Северного края. Отсюда было почти невозможно бежать, т. к. пароходы из Архангельска приходили только в период короткой навигации. Здесь демографический кризис проявился в более резких формах в силу остроты жилищного кризиса, экстремальных природно-климатических условий и плохого обеспечения населения даже продуктами первой необходимости.

В результате нашего исследования делаем следующие выводы.

1. Иницилируемая государством колонизация Русского Севера во второй половине XIX – начале XX века оказалась малоэффективной на фоне стихийной крестьянской колонизации.

2. Колонизация и спецколонизация 1930-х годов Северного края (сначала посредством раскулаченных крестьян-спецпереселенцев, затем заключенных) оказались с экономической точки зрения эффективнее, но лишь на ближайшую перспективу. Она сопровождалась острым демографическим кризисом, поэтому общая ее оценка неоднозначна, тем более что созданная индустриальная база для последующего развития региона была основана преимущественно на эксплуатации разного рода сырьевых ресурсов (лес, каменный уголь, нефть, затем газ). Исключение – то, что впоследствии станет ПО «Севмашпредприятием» и «Звездочкой» (в 1930-е годы – Судострой). В результате

осуществления добровольной и принудительной колонизации Северный край стал еще в большей степени, чем в начале XX века сырьевой периферией Центра, местом решения его задач.

3. Эта узость экономического развития региона завела его в тупик в конце XX – начале XXI века. В результате распада СССР и экономических реформ в эти годы у бывших мигрантов и их детей пропало чувство исторической перспективы и возникло убеждение в необходимости искать удачи в другом месте. Тогда же начался демографический кризис: сокращение населения северных и северо-восточных окраин страны, т. е. именно там, куда вселялись добровольные и принудительные мигранты с 1930-х годов и занимались лесоразработками и добычей угля, нефти и газа. Этот процесс захватил и территорию бывшего Северного края. Темпы сокращения населения в Ненецком ав-

тономном округе в первой половине 1990-х годов были в 3 раза больше, чем в Архангельской области в целом. А за более длительный период, с 1989 по 2003 год, наиболее контрастные изменения произошли в составе населения г. Нарьян-Мара и поселков городского типа округа: здесь численность населения сократилась на 7,9 и 46,1% соответственно¹⁵.

4. Теперь очевидно, что в XXI веке не следует повторять ошибок предшественников, в частности непродуманного и на неопределенный срок заселения Европейского Севера России. Необходима разработка на длительную перспективу демографической политики, учитывающей внутреннюю и внешнюю миграцию населения. Обязателен мониторинг демографических процессов. Необходимо исключить развитие региона только на основе эксплуатации сырьевых ресурсов.

Примечание

¹ ГААО (Гос. арх. Арх. обл.). Ф. 71. Оп. 1. Т. 1. Д. 278. Л. 25–26об.

² *Шашков В.Я.* Репрессии в СССР против крестьян и судьбы спецпереселенцев Карело-Мурманского края. Мурманск, 2000. С. 140.

³ ГААО. Ф. 6. Оп. 3. Д. 106. Л. 3; Ф. 116. Оп. 4. Д. 51. Л. 87об.

⁴ *Даричев.* К вопросу об агрономической помощи переселенцам Никольского уезда, Вологодской губернии // Северный хозяин. 1911. № 2. С. 47.

⁵ Обзор Вологодской губернии за 1910 год. Вологда, 1911. С. 47.

⁶ *Пер. Б.* Поселки на р. Усе и ее притоках // ИАОИРС. 1910. № 14. С. 611; *Дьячков А.Н.* О колонизации Архангельской губернии // К вопросу о колонизации и внутреннем расселении Северо-Восточной области. Архангельская губерния. Вып. 1. Архангельск, 1925. С. 38.

⁷ Покаяние: Мартиролог. Т. 4. Ч. 1 / сост. Г. Доброноженко, Л.С. Шабалова. Сыктывкар, 2001. С. 206.

⁸ ГААО. Ф. 621. Оп. 3. Д. 22. Л. 100, 110 (Высчитано мною. – В.К.)

⁹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 290. Оп. 1. Д. 378. Л. 4.

¹⁰ ГААО. Ф. 1734. Оп. 1. Д. 421. Л. 8; Оп. 2. Д. 12. Л. 5, 6; Ф. 1196. Оп. 2. Д. 17. Л. 20–23.

¹¹ Население России в XX веке... Т. 1. С. 298, 300.

¹² *Шашков В.Я.* Указ. соч. С. 122; Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. Т. 1. 1900–1939. М., 2000. Табл. 55–59; ГААО. Ф. 1322. Оп. 3. Д. 22. Л. 100; Оп. 2. Д. 17. Л. 21; ИЦ УВД АО. Ф. 24. Оп. 1. Д. 7. Л. 42.

¹³ Там же. С. 294.

¹⁴ ИЦ УВД АО. Ф. 39. Оп. 1. Д. 5. Л. 38.

¹⁵ Там же. «Ударник». 1934. № 19. С. 17–18.

¹⁶ Покаяние... Т. 3. С. 80.

¹⁷ Северодвинск. Испытание на прочность. Очерки. Воспоминания, Исследования. Северодвинск, 1998. С. 437; ГААО. ОДСПИ. Ф. 290. Оп. 2. Д. 662. Л. 150.

¹⁸ ГААО. ОДСПИ. Ф. 296. Оп. 1. Д. 506. Л. 16, 24, 35, 63.

¹⁹ Крючков В.В. Север на грани тысячелетий. М., 1987. С. 17–18.

²⁰ Косенкова Д.О., Евсеев А.В. Состояние здоровья в импактных районах Европейского Севера России // Стратегии развития северных регионов России: материалы Всерос. науч. конф., 18–19 ноября 2003 года. Архангельск, 2003. С. 298.

²¹ ГААО. ОДСПИ. Ф. 804. Оп. 1. Д. 98. Л. 6.

²² Там же. Д. 1441. Л. 79–80.

²³ Крат. стат. сб. Нарьян-Мар, 1999. С. 8.

²⁴ ГААО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 15. Л. 104.

²⁵ Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: справочник. М., 1998. С. 180.

²⁶ Население России в XX веке... Т. 1. С. 268.

²⁷ URL: <http://atlas.socpol.ru/portraits/arkh.shtml#demography> (дата обращения: 07.01.2012).

Korotaev Vladimir Ivanovich

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Institute of Social, Humanitarian and Political Sciences

THE PROBLEMS OF COLONIZATION AND SPECIAL COLONIZATION OF THE RUSSIAN NORTH / NORTHERN REGION IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – THE FIRST THIRD OF THE 20TH CENTURY

The author analyzes the problems of voluntary and forced colonization in terms of overtaking modernization. The peculiarity of the article lies in the fact that these problems are represented in correlation and their impact on the indigenous people.

Key words: *overtaking modernization, colonization, special colonization, forced settlers, prisoners, colonization settlements, demographic crisis, depopulation.*

Контактная информация:
e-mail: istochnik@rambler.ru

Рецензент – Соколова Ф.Х., доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой регионоведения и международных отношений, заместитель директора по науке и инновациям Института управления и регионоведения Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова